

Вторичные траектории после смены режима: Польша, Чехия, Венгрия и Россия¹

БАЛИНТ
МАДЬЯР,
БАЛИНТ
МАДЛОВИЧ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ОТКАТ И ОТСУТСТВИЕ ПРЕЦЕДЕНТОВ ВОСХОДЯЩЕГО ДВИЖЕНИЯ В РАМКАХ ВТОРИЧНОЙ ТРАЕКТОРИИ

Таблица 1 резюмирует первичные траектории пост-коммунистического развития. Теоретически страны могли следовать по пяти траекториям, ведущим к пяти возможным целям, то есть к пяти идеальным типам режимов, исключая коммунистическую диктатуру. На практике же они приводили лишь к четырем из них: с однопирамидальной бюрократической патрональной системы режим сменился либо на либеральную демократию (непатрональную мультипирамидальную), патрональную демократию (мультипирамидальную неформальную патрональную) и патрональную автократию (однопирамидальную неформальную патрональную), либо на диктатуру с использованием рынка (однопирамидальную бюрократическую патрональную). Только один из возможных

1 Мы публикуем сокращенный фрагмент Главы 7 книги Балинта Мадьяра и Балинта Мадловича (MAGYAR B., MADLOVICS B. *The Anatomy of Post-Communist Regimes. A Conceptual Framework*. Budapest: CEU Press, 2020), которая выходит в серии «Библиотека “НЗ”» издательства «Новое литературное обозрение» в конце 2021 года. В книге представлена единая упорядоченная структура, описывающая политические, экономи-

ДЕМОКРАТИЯ
СЕГОДНЯ:
CRISIS? WHAT
CRISIS?

переходов, а именно, к консервативной автократии, не был реализован. При этом точки, представляющие посткоммунистические страны, распределены по всему треугольнику – от либеральной демократии в странах Балтии до патрональной автократии в советской Средней Азии².

Табл. 1. Первичные траектории идеального типа в посткоммунистическом регионе.

	Первичные траектории	
	от	к
а) Смена режима (например Эстония, Венгрия)	коммунистической диктатуры	либеральной демократии
	однопиримидальной бюрократической патрональной	мультипиримидальной непатрональной
б) Смена режима (например Румыния, Украина)	коммунистической диктатуры	патрональной демократии
	однопиримидальной бюрократической патрональной	мультипиримидальной неформальной патрональной
в) Смена режима (например Казахстан)	коммунистической диктатуры	патрональной автократии
	однопиримидальной бюрократической патрональной	однопиримидальной неформальной патрональной
г) Смена модели (например Китай)	коммунистической диктатуры	диктатуре с использованием рынка
	однопиримидальной бюрократической патрональной	однопиримидальной бюрократической патрональной

Балинт Мадьяр (р. 1952) – старший научный сотрудник Научно-исследовательского экономического института в Будапеште. В прошлом активист венгерского антикоммунистического диссидентского движения, основатель Либеральной партии Венгрии (1988), член венгерского парламента (1990–2010) и министр образования Венгрии (1996–1998, 2002–2006).

Балинт Мадлович (р. 1993) – политолог и экономист.

В контексте типологии *вторичных траекторий*, то есть смены конфигурации в посткоммунистических странах, через которую они прошли после первичной траектории, мы включаем в наш инструментарий термин «демократический откат». В гибридологии *демократический откат*, или *упадок*, используется для обозначения деградирующей, с точки зрения гражданских прав и свобод, демократии и в целом нарушения конституционного функционирования институтов публичного обсуждения³. На первый взгляд, эта концепция является нормативной и подспудно подразумевает главное допущение транзитологии: страна откатывается назад, как если бы существовал один-единственный путь, связывающий точки «демократия» и «диктатура», где движение от демократии было бы возможно только в направлении отправной точки (диктатуры). Однако в нашем понимании демократический откат – это описательное

ческие и общественные феномены, присущие посткоммунистическим режимам. Уделяя особое внимание странам Центральной Европы, постсоветскому региону и Китаю, это исследование предлагает набор понятий и теорий для анализа акторов, институтов и динамики посткоммунистических демократий, автократий и диктатур. Данная глава посвящена случаям Польши, Венгрии, Чехии и России.

2 Еще одна вершина треугольника – исходная коммунистическая диктатура (см. илл. далее). – *Примеч. ред.*

3 Пример метаанализа см.: DALY T.G. *Democratic Decay: Conceptualising an Emerging Research Field* // Hague Journal on the Rule of Law. 2019. Vol. 11. № 1. P. 9–36.

понятие, обозначающее движение от демократии к (а) консервативной автократии, (б) патрональной демократии и (в) патрональной автократии. Смена конфигурации на диктатуру теоретически возможна, но крайне маловероятна, поскольку демократии, даже патронального типа, опираются на электоральную гражданскую легитимность, которую нельзя приспособить под откровенно однопартийную систему.

**БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ**
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

Табл. 2. Вторичные траектории (демократического отката) идеального типа в посткоммунистическом регионе.

	Вторичные траектории: демократический откат	
	от	к
а) Смена режима (например Польша после 2015 года)	либеральной демократии	консервативной автократии
	мультипирамидальной непатрональной	однопирамидальной непатрональной
б) Смена модели (например Чехия после 2013 года)	либеральной демократии	патрональной демократии
	мультипирамидальной непатрональной	мультипирамидальной неформальной патрональной
в) Смена режима (например Венгрия после 1998 года)	либеральной демократии	патрональной автократии
	мультипирамидальной однопирамидальной	непатрональной неформальной патрональной
д) Смена режима (например Россия после 2003 года)	патрональной демократии	патрональной автократии
	мультипирамидальной неформальной патрональной	однопирамидальной неформальной патрональной

Если рассматривать только посткоммунистический регион, то в пространстве треугольника в качестве вторичной траектории не было движения вверх. Восходящее движение, которое мы рассматриваем в следующей части, посвященной петле режима, существует лишь в качестве третичной или четвертичной траектории. Но в рамках именно вторичных траекторий все наблюдаемые нами примеры относятся к категории демократического отката (табл. 2). Далее на примере четырех стран мы иллюстрируем различные формы отката с разными начальными и/или конечными точками. Критерием отбора, помимо собственно демократического отката, стало то, что эти страны проложили только одну траекторию после первичной и никакого следующего за ней демократического прогресса или другой смены конфигурации не произошло. Хотя это и может оказаться лишь вопросом времени, но в двух показательных странах, Польше и Чехии, были только попытки смены конфигурации, и есть значительные шансы, что режим в итоге даст им отпор с помощью защитных механизмов. Тем не менее два других примера стран, которые пришли к патрональной автократии, Венгрия и Россия,

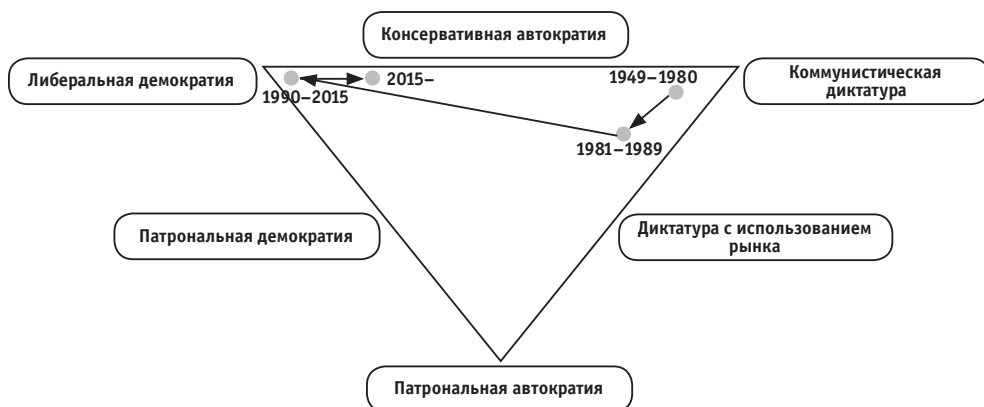

совершили автократический прорыв и смену мультипирамидальной системы на однопирамидальную.

ОТКАТ К КОНСЕРВАТИВНОЙ АВТОКРАТИИ: ПОЛЬША

Хотя Польша представляет собой единственную *попытку* установления *консервативной автократии* в посткоммунистическом регионе, до 2015 года она была консолидированной либеральной демократией (илл. 1). Ранее, с 1949-го по 1989 год, она представляла собой коммунистическую диктатуру, в которой после 1980-го началось смягчение режима⁴. Помимо того, что более активно внедрялась так называемая вторая экономика умеренно терпимого частного предпринимательства, объединение «Солидарность», зародившееся среди работников гданьской судовой верфи под руководством Леха Валенсы, больше не было просто параллельным обществом, но являлось воплощением альтернативной политической силы. Даже через несколько лет после введения военного положения оно играло решающую роль в возрождении гражданского общества. «Солидарность» была уникальной организацией в регионе не только благодаря своим масштабам (десять миллионов членов), но и благодаря своей неоднородности. Она объединяла людей и группы с различными взглядами из разных социальных слоев, а также пользовалась решительной поддержкой со стороны католической церкви и папы римского Иоанна Павла II, бывшего архиепископа Краковского⁵. Подобную комбинацию невозможно представить ни в одной другой социалистической стране, хотя в западно-христианском историческом регионе существовали и другие реформаторско-коммунистические диктатуры.

Илл. 1. Смоделированная траектория Польши (1949–2019).

⁴ КЕМП-ВЕЛЧ А. *Poland under Communism: A Cold War History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

⁵ КУВИК J. *The Power of Symbols against the Symbols of Power: The Rise of Solidarity and the Fall of State Socialism in Poland*. University Park: Pennsylvania State University Press, 1994.

В 1989 году Польша прошла через *отступление диктатуры*, которое сопровождалось переговорами между членами правящих коммунистических партий и представителями оппозиции. Как и в Венгрии, та часть коммунистической партии, которая была готова смотреть в глаза реальности, оказалась готова и к компромиссу. Ни в одной стране транзит или смена режима не были целью членов коммунистической партии, скорее легитимация действий, необходимых для борьбы с экономическим кризисом, показывала целесообразность привлечения оппозиции, влияние которой недооценивали. Тем не менее именно «Солидарность», получившая широкую поддержку как новатор переходного процесса и движение, объединяющее людей, критикующих систему, вела переговоры с режимом. В качестве посредника ей содействовала католическая церковь⁶. После того, как в 1989 году в Восточном блоке состоялись первые демократические выборы, из «Солидарности» выделился ряд партий, а само движение стало функционировать как полноценный профсоюз⁷.

В период с 1990-го по 2015 год три правительства правого или прагматического толка проводили так называемую «шоковую терапию», пытаясь установить в качестве доминирующего механизма экономики рыночную координацию⁸. Первую серию реформ в 1990 году проводил министр финансов из правительства Тадеуша Мазовецкого – Лешек Бальцерович. Эти реформы способствовали относительно быстрому переходу от государственной социалистической экономики дефицита к рыночной конкуренции, основанной на частной собственности. За вторую шоковую терапию отвечало правительство Бузека (1997–2001), заместителем и министром финансов которого был Бальцерович. Значительные реформы проводились по четырем основным направлениям: образование, пенсии, государственное управление и здравоохранение. Наконец, при первом правительстве, сформированном партией «Право и справедливость» (которую создал Ярослав Качиньский; 2005–2007), усилия были направлены на борьбу с коррупцией, а также люстрации и «чистки» в спецслужбах. Ведущие политики и интеллектуалы из партии «Право и справедливость», бывшие в правительстве с 2005-го по 2007 год, и «Гражданская платформа», члены которой входили в правительство с 2007-го по 2015 год, были наследием администраций Мазовецкого и Бузека. Поль-

БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

6 KEMP-WELCH A. *Op.cit.* P. 361–390.

7 SZCZERBIAK A. *Power without Love: Patterns of Party Politics in Post-1989 Poland // Post-Communist EU Member States: Parties and Party Systems.* New York: Routledge, 2006. P. 91–124.

8 BALCEROWICZ L. *Poland: Stabilization and Reforms under Extraordinary and Normal Politics // The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism.* Washington: Peterson Institute for International Economics, 2014. P. 17–38.

ское правое крыло с самого начала видело своей целью свободный рынок и капитализм, а его представители не изменили своим основополагающим принципам даже после того, как правительства Мазовецкого, а затем Бузека, по сути, потерпели поражение.

Хотя Качиньский при поддержке «Права и справедливости» предпринял в 2015 году попытку установления автократии⁹, недостаточная легитимность государственного вмешательства в экономику, а также отсутствие крупных олигархов и полигархов объясняют, почему откат Польши от демократии привел не к *патрональному режиму*, а к *консервативной автократии*. Получив большинство голосов в парламенте (51%), которое, правда, не предполагает эффективной монополии на власть, Качиньский начал проводить политику, руководствуясь идеологическими принципами. Для него концентрация власти идет рука об руку с установлением гегемонии «христианско-националистической» системы ценностей, тогда как либеральная система ценностей, базирующаяся на автономии индивида, воспринимается как враждебная, поскольку нация ставит интересы польского народа выше индивидуальных. В экономике об этом свидетельствует то, что в качестве основных инструментов для развития страны вместо прямых иностранных инвестиций предпочтение отдается централизованному регулированию и государственным инвестициям, что сопровождается экономической ксенофобией и ползучей ренационализацией. Однако посткоммунистическое перераспределение собственности не проводилось, и никакой новый слой собственников не сформировался. Не существует никаких олигархов ближнего круга Качиньского или тех, кто пополнял бы их ряды через предоставление им защиты. Фактическое принятие решений также остается в рамках формальных институтов, причем Качиньский занимает место на вершине пирамиды власти как председатель партии «Право и справедливость». Странность правления Качиньского заключается в том, что он предпочитает роль простого депутата, а не премьер-министра¹⁰, но действует по-прежнему в рамках формальной институциональной структуры партии и не ведет деятельность, выходящую за рамки его формальных полномочий – такую, как личное обогащение. Лояльные члены пирамиды власти награждаются не богатством, а должностями, а экономика, согласно идеологии Качиньского, не подвергается неформальной патронализации, и лишь в некоторых сферах государство расширило свою собственность.

⁹ SADURSKI W. *Poland's Constitutional Breakdown*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

¹⁰ SATA R., KAROLEWSKI I.P. *Caesarean Politics in Hungary and Poland* // East European Politics. 2019. Vol. 36. № 2. P. 1–20.

Шансы на то, что попытки установления в Польше консервативной автократии потерпят поражение, велики даже при существующей демократической институциональной структуре. Такую ситуацию обеспечивают эффективные защитные механизмы, а именно: пропорциональная избирательная система, положения Конституции, предотвращающие чрезмерную концентрацию власти, и сильное гражданское общество. Последнее включает в себя общественные традиции сопротивления власти, построенное на этих традициях гражданское движение, существование умеренных правых и либеральных партий, составляющих основную долю оппозиционных сил, вытеснение партии «Право и справедливость» в крайне правый сектор политического спектра, политическое разнообразие муниципальных властей и устойчивые медиаплатформы, обеспечивающие свободу слова. Развитию патронально-автократических тенденций препятствует и сам характер правящей партии, ее состав, принципы и программа, а также традиции и современность польских правых. В своей нынешней форме «Право и справедливость» не может идти по третичной нисходящей траектории в пространстве треугольника, потому что для этого отсутствуют многие факторы и компоненты.

БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

Недостаточная легитимность государственного вмешательства в экономику, а также отсутствие крупных олигархов и полигархов объясняют, почему откат Польши от демократии привел не к патрональному режиму, а к консервативной автократии.

Откат к патрональной демократии: Чехия

Чехия – еще одна страна, где в ходе относительно долгого периода либеральной демократии не предпринималось попыток смены конфигурации (илл. 2). После «бархатной революции» 1989 года Чехия (тогда Чехословакия) оказалась в числе стран с наименьшим патрональным наследием в регионе, что в сочетании с парламентским устройством¹¹ привело к установлению динамичного, но стабильного демократического режима. О его стабильности свидетельствуют рейтинги «Freedom House»¹² и индексы «V-Dem»¹³, тогда как динамичность проявляется в час-

¹¹ Ibid. P. 459.

¹² *Freedom in the World: Country and Territory Ratings and Statuses, 1973–2019.*

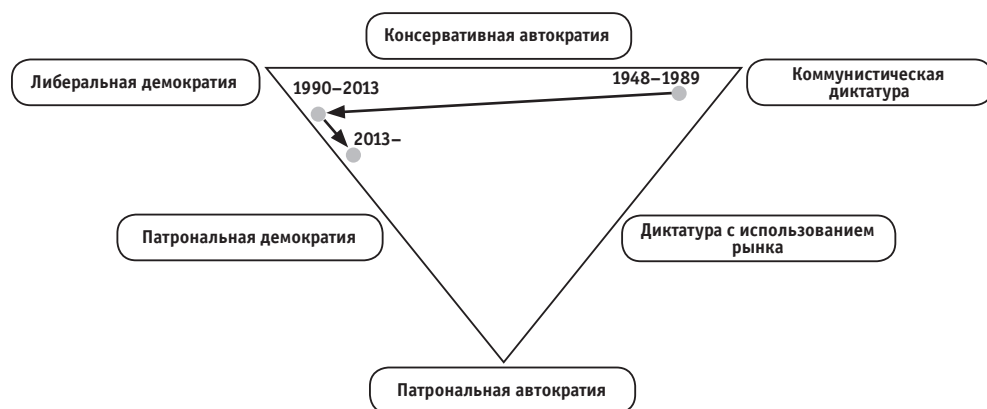
¹³ COPPEDGE M. ET AL. *V-Dem Country-Year Dataset 2019* (www.v-dem.net/en/data/archive/previous-data/data-version-9/).

тых сменах правительства, а также в почти полном обновлении партийной системы в 2010 году¹⁴. Это правда, что партии обвинялись в оторванности от народа¹⁵ и тесных связях с экономической элитой, а исследователи описывают так называемых «региональных крестных отцов», олигархов и лидеров «более мелких коррумпированных бизнес-групп, которые путем получившего широкую огласку захвата региональных отделений ключевых чешских партий, обрели в середине 2000-х все более возрастающее политическое влияние. [Предполагается], что они будут отстаивать [свои] интересы, [...] используя услуги лоббистов и юристов в сфере защиты активов, или путем финансирования неправительственных организаций, политиков или партий»¹⁶. С нашей точки зрения, такая деятельность в основном подпадает под определение лоббирования и протекции для «своих» и при этом не содержит признаков коррупции сверху вниз¹⁷. Другими словами, *правящая элита* в большинстве своем *не ставила свои интересы выше интересов других групп*, не стремилась монополизировать власть и накапливать состояние, в то время как гражданское общество и формальные институты сохраняли свою эффективность. Соответственно, ситуация 1990–2013 годов была ближе к либеральной демократии, чем к патрональной.

Однако в 2013 году Андрей Бабиш, член «полудюжины “семей” олигархов-миллиардеров»¹⁸ Чехии, решил заняться по-

Илл. 2. Смоделированная траектория Чехии (1964–2019).

14 HAUGHTON T., NOVOTNÁ T., DEEGAN-KRAUSE K. *The 2010 Czech and Slovak Parliamentary Elections: Red Cards to the «Winners»* // West European Politics. 2011. Vol. 34. № 2. P. 394–402.

15 ROBERTS A. *Czech Democracy in the Eyes of Czech Political Scientists* // East European Politics. 2017. Vol. 33. № 4. P. 562–572.

16 HANLEY S., VACHUDOVA M.A. *Understanding the Illiberal Turn: Democratic Backsliding in The Czech Republic* // East European Politics. 2018. Vol. 34. P. 285.

17 Непатрональный, направленный снизу вверх, мультипирамидальный характер чешских неформальных сетей становится также очевиден из всестороннего анализа: KLIMA M. *Informal Politics in Post-Communist Europe. Political Parties, Clientelism and State Capture*. London: Routledge, 2020.

18 HANLEY S., VACHUDOVA M.A. *Op. cit.* P. 284.

литикой. Партия вассалов ANO 2011¹⁹, основанная всего двумя годами ранее и пользующаяся поддержкой обширной бизнес- и медиаимперии Бабиша²⁰, получила места в чешском парламенте и стала партнером социал-демократов по коалиции. В этом правительстве Бабиш занимал пост министра финансов до 2017 года, когда ему удалось, став премьер-министром, сформировать правительство меньшинства²¹. Несмотря на отсутствие монополии на власть, ANO удалось *аккумулировать власть* в государственной администрации, а также на государственных предприятиях, в полиции и спецслужбах, в экономике и СМИ.

«Позиции, которые Бабиш и его соратники по ANO занимали в правительстве, дали им возможность формировать институты и политику, влияющие на экономическую сферу. Например, через контроль над Министерством финансов в 2014–2017 годах Бабиш получил контроль над государственными органами, которым было поручено проверять финансовую деятельность чешских предприятий и соблюдение ими налогового законодательства. Таким путем Бабиш получил доступ к информации о своих политических и бизнес-конкурентах и, следовательно, потенциальные рычаги воздействия на них. [...] Опасения относительно того, что Бабиш злоупотребляет государственной властью, основываются на его тесных связях с полицией, прокурорами и спецслужбами, а также на том, как эти связи могут повлиять на обеспечение верховенства закона. [Помимо этого,] количество высокопоставленных офицеров полиции и секретных служб, получивших за последние два десятилетия работу в отделе безопасности компании “Agrofert” [основная компания Бабиша] или возглавивших какую-либо из его компаний, поражает воображение. [...] Бабиш использовал “Agrofert”, чтобы собрать критическую массу людей, способных ненадлежащим образом использовать государственную информацию и шантажировать чиновников. С появлением ANO эти люди плавно сменили сферу деятельности на партийную политику и работу в правительстве»²².

Бабиш, похоже, использовал свои полномочия, чтобы угрожать изданию «ECHO24» (которое он считал враждебным) тем, что его основной инвестор Ян Кленор вскоре может стать объектом финансового расследования со стороны государства²³. Бабиша также обвиняли в том, что он перенаправил средства, полученные от ЕС, на финансирование своего бизнеса, что

БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

19 Akce nespokojených občanů (чеш.) – Акция недовольных граждан. Аббревиатура ANO совпадает со словом *ano*, которое с чешского переводится как «да». – *Примеч. ред.*

20 Ibid. P. 285–387.

21 Ibid. P. 277.

22 Ibid. P. 288.

23 Ibid. P. 287.

в 2019 году стало толчком к крупнейшим после смены режима протестам в стране²⁴.

С одной стороны, тот факт, что олигарх становится *полигархом*, превращая экономическое предприятие в политическое, является явным шагом к *неформальному патронализму*, при котором глава исполнительной власти руководствуется принципами интересов элит. С другой стороны, демократический откат в Чехии привел только к патрональной демократии. Кроме попыток патронализации государственного управления, Бабиш не стремился разрушить формальную систему сдержек и противовесов, несмотря на то, что формальные механизмы контроля работали достаточно активно (чешские правоохранительные органы провели расследование в отношении Бабиша, а в 2017 году он был лишен депутатской неприкосновенности)²⁵. Таким образом, он пытался использовать государство для продвижения собственной сети, устраняя оппонентов так же, как это делает конкурирующая патрональная сеть в условиях патрональной демократии. Если его стратегия окажется успешной, сети олигарха-конкурента тоже могут вступить в партийную конкуренцию, увеличивая количество партий патрона и еще больше приближая страну к патрональной демократии. Тем не менее партии политиков, которые извлекают выгоду из народного сопротивления, могут препятствовать такому развитию в долгосрочной перспективе, а откат к автократии кажется немыслимым при отсутствии монополии на власть и при наличии сильных автономных олигархов, а также формальных институтов и гражданского общества.

Кроме попыток патронализации государственного управления, Бабиш не стремился разрушить формальную систему сдержек и противовесов, несмотря на то, что формальные механизмы контроля работали достаточно активно.

ОТКАТ ОТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ К ПАТРОНАЛЬНОЙ АВТОКРАТИИ: ВЕНГРИЯ

Венгрия, вероятно, прошла по самой длинной траектории из всех посткоммунистических стран в том смысле, что она претер-

24 *Billionaire Czech Prime Minister's Business Ties Fuel Corruption Scandal* // Deutsche Welle. 2019. June 25 (www.dw.com/en/billionaire-czech-prime-ministers-business-ties-fuel-corruption-scandal/a-49351488-0).

25 *Czech Election Front-Runner Charged with Subsidy Fraud* // Politico. 2017. October 9 (www.politico.eu/article/czech-election-front-runner-charged-with-subsidy-fraud/).

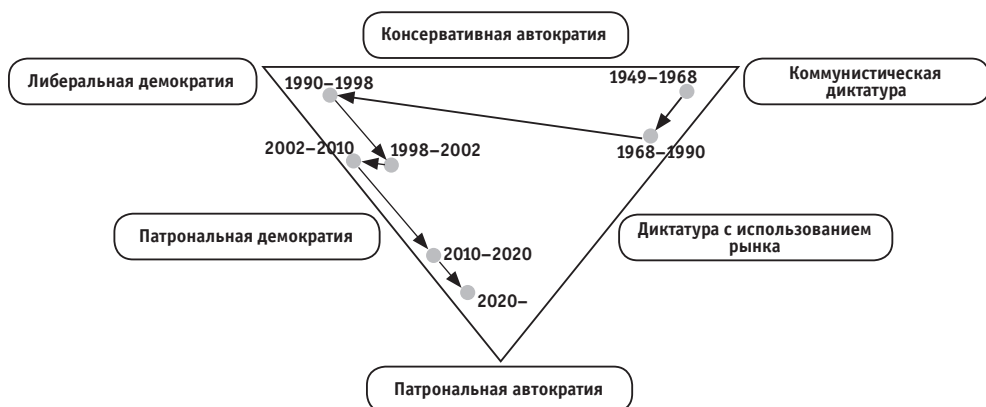
пела смену конфигурации с коммунистической диктатуры на либеральную демократию (первичная траектория) и с либеральной демократии на патрональную автократию (вторичная траектория). Этот путь (илл. 3) берет начало в 1949–1968 годах, то есть в период жесткой коммунистической диктатуры с принудительной коллективизацией и индустриализацией²⁶. В 1968-м начал действовать Новый экономический механизм (NEM), предусматривавший децентрализацию, либерализацию цен и оплаты труда, развитие вторичных производственных отраслей и небольших ферм, прикрепленных к государственным кооперативам. Результатом этого стала более гибкая, реформированная социалистическая модель, известная под названием «гуляшный коммунизм»²⁷, которая увеличила доходы рабочих и смягчила окостенелость плановой экономики. Таким образом, контролируемое сосуществование первой и второй экономик было шагом к диктатуре с использованием рынка, а Китай можно рассматривать как зрелого последователя этих ранних социалистических реформ²⁸.

Венгрия стала еще одной (помимо Польши) страной, которая прошла через отступление диктатуры. «Круглый стол» оппозиции, проходивший в 1989 году, объединил ее представителей для переговоров с коммунистической партией в целях обеспечения мирного транзита власти²⁹. По результатам переговоров коммунисты-реформаторы больше не могли обеспечить себе власть, не участвуя в политической конкуренции, как это сделал Сейм Польши. Вместо этого они стремились учредить президентский пост с достаточно широкими полномочиями. Сторонняя сделка между Венгерским демократическим форумом и коммунистами-реформаторами была предотвращена в конце 1989 года через референдум, инициированный Альянсом свободных демократов, который предшествовал первым свободным выборам в 1990 году. В 1990-х Венгрия рассматривалась как предвестница демократизации, благодаря экономической либерализации и сильным формальным институтам: Конституционному суду, конкурентной партийной системе и регулярной смене правительства на выборах.

БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

- 26** Kovács J. Ö. *The Forced Collectivization of Agriculture in Hungary, 1948–1961 // The Collectivization of Agriculture in Communist Eastern Europe: Comparison and Entanglements*. Budapest; New York: CEU Press, 2014. P. 211–247. Для краткости, а также потому что в наши задачи входит лишь предоставление иллюстрации, а не исторической документации, мы не изображаем революцию 1956 года как новую стабильную точку.
- 27** Kornai J. *Paying the Bill for Goulash Communism. Hungarian Development and Macro Stabilization in a Political-Economy Perspective // Social Research*. 1996. Vol. 63. № 4. P. 943–1040.
- 28** Vámos P. *A Hungarian Model for China? Sino-Hungarian Relations in the Era of Economic Reforms, 1979–89 // Cold War History*. 2018. Vol. 18. № 3. P. 361–378; Csánádi M. *The «Chinese Style Reforms» and the Hungarian «Goulash Communism»*. IEHAS Discussion Papers. March 2009 (www.econstor.eu/bitstream/10419/108148/1/MTDP0903.pdf).
- 29** Vozóki A. *Hungary's Road to Systemic Change: The Opposition Roundtable // East European Politics and Societies*. 1993. Vol. 7. № 2. P. 276–308.

Илл. 3. Смоделированная траектория Венгрии (1949–2020).

Виктор Орбан со своей партией «Фидес» впервые пришли к власти в 1998 году. Суть его программы была сформулирована в слогане предвыборной кампании «Больше, чем смена правительства, меньше, чем смена режима», а также в выражении «решительное наступление». Слоган довольно точно описывает, что произошло на самом деле, а именно – переход от либеральной демократии к патрональной. Однако это было не просто демократическим откатом, но решительной попыткой установления автократии, в результате которой была нарушена автономия формальных институтов, а в экономической сфере возникла неформальная патрональная сеть с участием в том числе олигарха ближнего круга Лайошем Шимичкой (который в 1998–1999 годах был главой налоговой службы). Получается, что попытка Orbana могла бы быть успешной, если бы у него было большинство в две трети, то есть эффективная монополия на власть³⁰. Таким образом, демократическая институциональная система была подорвана, но, так или иначе, поддерживалась Конституцией страны и так называемыми «основными законами», изменение которых требовало квалифицированного большинства.

В 2002 году Орбан потерпел поражение, уступив коалиции либерально-социалистических сил, которая однако не вернула страну к либеральной демократии. Здесь стоит подробнее рассмотреть некоторые детали, потому что функционирование венгерской демократии в 2002–2010 годах можно описать как *неравную патрональную конкуренцию* без динамического равновесия, которая выродилась в итоге в патрональную автократию. Это произошло прежде всего потому, что «Фидес» сохранила неформальное доминирующее положение в прокуратуре, Государственном контроле и Конституционном суде, а президент Ласло Шойом, обладавший слабыми формальными

30 MAGYAR B. *Magyar Polip – a Szervezett Felvilág* // Magyar Hírlap. 2001. Február 21.

ми полномочиями, идеологически был ближе к «Фидес», чем к правящей коалиции. В этот период *популизм* получил широкое распространение, что привело к так называемой «холодной гражданской войне»: каждая из сторон объявила другую нелегитимной (особенно «Фидес» в своей риторике по отношению к правящей MSZP, Венгерской социалистической партии), а любой промах «одного из нас» получал индульгенцию перед угрозой, что «один из них» придет к власти (Орбан больше всего опасался MSZP)³¹. В то же время приемная «политическая семья» Орбана сотрудничала с конкурирующими правительственными силами, что порождало дружеские чувства в условиях «перемирия в окопе». Такое положение было известно широкой общественности, о чем свидетельствует расхожее выражение «семьдесят на тридцать», которое означало, что совместно добытые (или просто учтенные) нелегитимные доходы будут поделены и 70% из них получит правящая партия, а 30% – оппозиция³². Однако правительственные акторы были менее организованны и единодушны в своих мотивах. С одной стороны, в сферах, которые сулили коррупционные доходы, по собственной инициативе действовали «казначей» партии и местные олигархи (минигархи), а с другой стороны, третьи лица предпринимали неоднократные попытки разрушить устоявшиеся каналы коррупционного сотрудничества двух противоборствующих сторон. Напротив, «политическая семья» Орбана опиралась на одноканальный порядок экономической отчетности, наказывая частных собирателей наличности под флагом «Фидес», что обеспечило на всех уровнях сложившейся иерархии патронально-клиентарных отношений единство коррупционного «обложения данью», осуществляющегося с одобрения центра. Этот способ нелегитимного «наложения дани» обеспечил дорогостоящие, но надежные условия для коррупционных сделок: если кто-то платит цену, то услуга будет предоставлена (чего не могло обеспечить правительство, сформированное MSZP).

До 2010 года ни доступ к источникам ренты, ни к ресурсам насилия не были полностью монополизированы ни одной из политических сторон. Как правило, парламентское большинство было окружено пестрым составом партий в местных органах власти, и в рамках системы ряд объединенных или по крайней мере многопартийных комитетов имели право голоса в распределении ресурсов под контролем государства. Однако по второму либерально-социалистическому правительству были нанесены серьезные удары – сначала в 2006 году, когда

БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

31 PAPPAS T. *Populist Democracies: Post-Authoritarian Greece and Post-Communist Hungary* // Government and Opposition. 2014. Vol. 49. № 1. P. 1–23.

32 MONG A. *Milliárdok Mágusai: A Brókerbotrány Titkai*. Budapest: Vízkapu, 2003.

разгорелся скандал с обнародованной записью выступления премьер-министра Ференца Дюрчяня, а затем в 2008-м, когда был проигран референдум и разразился глобальный финансовый кризис. В таких обстоятельствах уже на этапе избирательной кампании «Фидес» вознамерилась получить квалифицированное большинство в парламенте в две трети голосов. При содействии прокуратуры членам партии удалось в глазах общественности возложить всю ответственность за коррупцию на плечи правительства.

«Политическая семья» Орбана опиралась на одноканальный порядок экономической отчетности, наказывая частных собирателей наличности под флагом «Фидес», что обеспечило единство коррупционного «обложения данью», осуществляющегося с одобрения центра.

В 2010 году Орбан и его партия «Фидес» получили *абсолютное большинство мест* в парламенте, нарушив – в случае Венгрии и без того уязвимое – равновесие патрональной демократии. Получив достаточно власти, чтобы в одностороннем порядке изменить Конституцию и расставить в институтах сдержек и противовесов своих сторонников, Орбан совершил *автократический прорыв* и приблизил режим к патрональной автократии. Венгрия стала хрестоматийным примером *мафиозного государства*. Смена режима предполагает как качественные, так и количественные изменения, поскольку однопирамидальная патрональная сеть, созданная Орбаном, нарушила автономию государственных институтов, которые теперь используются для еще более масштабного коррупционного обогащения, чем при любой из патрональных сетей до 2010 года.

С 2010 года Орбану дважды удавалось получить квалифицированное большинство на манипулируемых выборах (в 2014-м и 2018 году). В 2020-м пандемия COVID-19 усугубила наиболее характерные черты венгерского мафиозного государства. Орбан, ссылаясь на чрезвычайное положение, продвинул закон о собственных чрезвычайных полномочиях, который позволил ему управлять страной с помощью указов сначала вообще без каких-либо временных ограничений, а затем, во время второй волны пандемии, в течение ограниченного, но тем не менее значимого периода времени. Эта смена формы неограниченного правления сопровождалась мерами, которые способствовали дальнейшей автократической консолидации и в обычном

режиме не были бы возможны в пределах границ ЕС. Речь идет о таких мерах, как сокращение партийного финансирования; получение особых налоговых поступлений от муниципалитетов; криминализация тех, кто публикует фейки либо «реальные факты, искажая их так, что это может помешать успешному обеспечению защиты от вируса»; отправка солдат для участия в «важнейших» кампаниях для обеспечения контроля в случае возникновения чрезвычайной ситуации и так далее. Во время второй волны Орбан даже изменил закон о выборах, чтобы сузить пространство для маневра и снизить координацию оппозиционных партий, а также принял поправку к Конституции, которая среди прочего определяет государственные средства таким образом, чтобы их можно было направлять для отмывания в частные (то есть патрональные) фонды³³. Одно это указывает на то, что, кроме концентрации власти, пандемия ускорила и процесс обогащения. Помимо все еще продолжающегося распределения ренты из бюджета, экономический кризис породил огромное количество ослабленных жертв для хищнического государства, которое приняло ряд мер в целях облегчения захвата власти приемной «политической семьей» (предлагая компаниям финансовую помощь в обмен на их акции, помогая только компаниям «государственного значения», выбранным непрозрачным образом, и так далее). В сборнике, опубликованном одним из журналистов-расследователей в начале 2021 года, перечисляются тринадцать ключевых отраслей – от природного газа и электрических сетей, банковских и ИТ-гигантов до железных дорог и военных заводов, – которым приемная «политическая семья» либо предоставила монопольное положение, либо укрепила и так преобладающую логику «кумовской» экономики.

БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

Откат от олигархической анархии к патрональной автократии: Россия

Россия является примером демократического отката от олигархической анархии к патрональной автократии (илл. 4). Можно возразить, что олигархическая анархия отсутствует в нашем треугольнике, устройство которого и правда не учитывает характеристику силы или несостоятельности государства. Однако олигархическая анархия во многом похожа на патрональную демократию в силу ее мультипирамидальной системы конкурирующих патрональных сетей, а также ограниченной власти правящей элиты, которая проводит нечестные

33 BALOGH E. *Viktor Orbán at Work: New Amendments, New Tricks* // Hungarian Spectrum [blog]. 2020. November 11 (<https://hungarianspectrum.org/2020/11/11/viktor-orban-at-work-new-amendments-new-tricks/>).

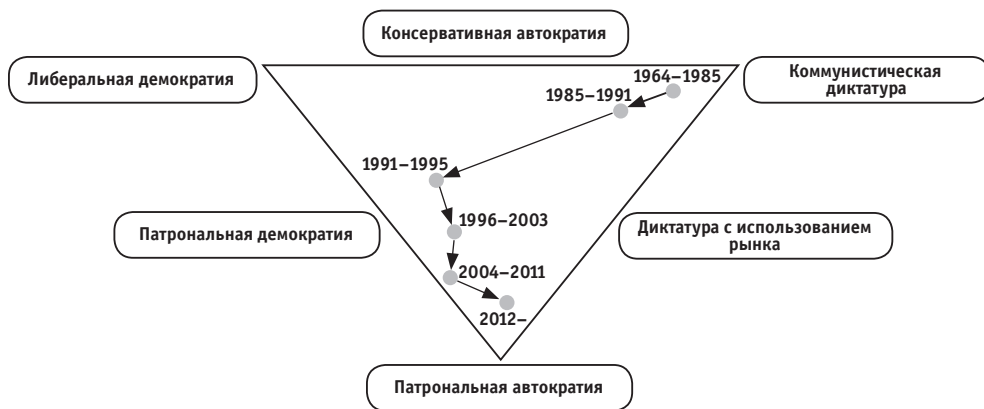

выборы и находится на грани электоральной демократии и конкурентного авторитаризма.

Довольно метко траектория России резюмируется фразой о том, что страна «экспериментировала с разными режимами с головокружительной скоростью: период застоя повлек за собой перестройку, которая привела к распаду Советского Союза, либеральной эйфории, экономической катастрофе, олигархии и мафиозному государству»³⁴. Из всего перечисленного период экономического бедствия и олигархии относятся к тому, что мы называем олигархической анархией, которая установилась в России в 1990-е. Такое государственное устройство представляло собой почти что несостоявшееся государство, окруженное и частично присвоенное неорганизованной, мультипирамидальной системой региональных и общенациональных олигархических сетей³⁵. Однако, поскольку «подвижные составляющие российской политики [...] изначально шли по спирали, решающий эпизод постсоветской политической истории России произошел в 1996 году»:

«Именно тогда [президент Борис] Ельцин [...] вооружился арсеналом кнутов и раскрыл свой рог изобилия с пряниками, чтобы организовать региональные политические аппараты и крупные финансово-промышленные группы в общенациональную пирамиду патрональных сетей, которая была бы способна одержать победу над главным политическим противником в президентской гонке того года. [...] Конкуренция 1996 года доказала всем, что президентская пирамида Ельцина была сильнее всех других»³⁶.

Илл. 4. Смоделированная траектория России (1964–2019).

34 POMERANZEV P. *Nothing Is True and Everything Is Possible. The Surreal Heart of the New Russia*. London: Faber & Faber, 2014. P. 71.

35 *Wealth & Power in the New Russia*. New York: Public Affairs, 2001.

36 HALE H. E. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 71. Курсив наш.

В нашем треугольнике становление Ельцина верховным патроном представляет собой явный шаг к патрональной автократии и доминированию конкурентного авторитаризма, но все же для того, чтобы пересечь границы доминирования полуформальных институтов и рыночной координации, этого было недостаточно. Ельцину не хватало монополии на власть, а также сильного государства, без которых невозможно успешное функционирование мафиозного государства. Более того, его правление проходило в тени олигархов – в частности, Владимира Гусинского и Бориса Березовского, владевших крупнейшими медиаимпериями, а также Михаила Ходорковского, который, являясь генеральным директором нефтяной компании «ЮКОС», был самым богатым человеком страны и контролировал значительную часть природных ресурсов России. Владимир Путин, которого Ельцин назначил своим преемником в 1999 году, реформировал государство так, что оно стало сильным, а после убедительной победы своей партии «Единая Россия» консолидировал власть в политической сфере³⁷. Его очередная победа в 2003 году позволила ему совершить то, что Бен Джуда называет «великим поворотом». По мнению Джуда, в этот момент «завершилась эпоха, когда он [Путин] правил как наследник Ельцина. И тогда же Россия резко накренилась в сторону авторитарного режима»³⁸. По имеющимся сведениям, Путин устроил встречу с 21 олигархом, сообщив им, что они должны быть лояльны и не вмешиваться в политику самостоятельно³⁹. Он также продемонстрировал, во что для них выльется неповиновение: Гусинский и Березовский были вынуждены покинуть страну, передав свои медиаимперии патрональной сети Путина, тогда как Ходорковский получил тюремный срок, а его компании подверглись захвату⁴⁰.

**БАЛИНТ МАДЬЯР,
БАЛИНТ МАДЛОВИЧ**
ВТОРИЧНЫЕ ТРАЕКТОРИИ
ПОСЛЕ СМЕНЫ РЕЖИМА...

**Становление Ельцина верховным патроном
представляет собой явный шаг к патрональной
автократии и доминированию конкурентного
авторитаризма, но все же для того, чтобы пересечь
границы доминирования полуформальных институтов
и рыночной координации, этого было недостаточно.**

37 Ibid. P. 270–274.

38 JUDAH B. *Fragile Empire: How Russia Fell In and Out of Love with Vladimir Putin*. London: Yale University Press, 2014. P. 55.

39 Ibid. P. 43.

40 SAKWA R. *Putin and the Oligarchs* // *New Political Economy*. 2008. Vol. 13. № 2 (www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13563460802018513).

Начиная с 2003 года Россия представляет собой образец патрональной автократии, в рамках которой Путин твердой рукой управляет однопирамидальной патрональной сетью. Особенно ярко это было продемонстрировано, когда Путин столкнулся с ограничением в два срока, но сумел избежать статуса «хромой утки», посадив в президентское кресло свое политическое подставное лицо, Дмитрия Медведева, после чего вернулся к власти в 2012 году⁴¹. Провалившаяся попытка «цветной революции» в 2012 году привела к тому, что режим в условиях автократической консолидации стал проводить более репрессивную политику, постепенно разрушая гражданское общество и нарушая автономию СМИ, предпринимателей, неправительственных организаций и граждан.

*Перевод с английского Юлии Игнатъевой
и Анатолия Решетникова*

41 HALE H.E. *Op. cit.* P. 276–291.